

чает естественное возрождение в 1840-х годах несколько было потухшего интереса к русскому народному творчеству. Подробно Э. Хэксельшнейдер останавливается в этой связи на деятельности собирателя и издателя фольклора В. Вальдбрюля, немаловажные заслуги которого в популяризации славянского фольклора до сих пор не были достаточно оценены, и немецкого демократа В. Вольфсона, связанного с кружком Гервега, с известным писателем Т. Фонтане, с окружением Белинского и Герцена. Ценным вкладом в изучение русско-немецких литературных связей является раздел этой главы, посвященный распространению в Германии русских лубков и публикациям переводов русских сказок в 1830—1840-х годах в Германии и Австрии. Подробно рассмотрены заслуги Якова Гримма в изучении русских сказок.

Исследование Э. Хэксельшнейдера написано на большом материале, частично впервые вводимом в науку, в нем дается последовательное и объективное освещение привлекаемых исторических и литературных фактов, скрупулезный текстологический анализ. В результате автору не только удалось углубить наблюдения его предшественников, внести в них ряд уточнений, по-новому осветить деятельность многих ученых и писателей, дать новую оценку некоторым немецким изданиям русского фольклора, но, главное, убедительно показать закономерность обращения в исследуемый им период немецкой науки и литературы к русскому народному творчеству и вместе с тем показать роль в этом процессе русской прогрессивной фольклористики тех лет.

Книга Э. Хэксельшнейдера — отрадное явление в современном литературоведении, показатель того, что на новой методологической основе возродилось сравнительное изучение литературы и фольклора разных народов, изучение взаимодействия и взаимовлияния разных национальных культур, т. е. возродился интерес к проблематике, вне которой немислимо изучение мирового литературного процесса во всем его многообразии и во всей его сложности.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

L. W. Jones. *The Population of Borneo. A study of the people of Sarawak, Sabah and Brunei*, University of London, 1966, 213 p.

Рецензируемая книга — первое демографическое описание бывших английских колоний Саравака и Сабаха (Британское Северное Борнео), с 1963 г. входящих в состав Федерации Малайзия, и протектората Бруней, расположенных на севере о. Калимантан, остальная часть которого принадлежит Индонезии.

В течение ряда лет автор книги, чиновник аппарата колоний, принимал участие, а в 1931 и 1960 гг. сам непосредственно руководил переписью населения Северного Калимантана¹. Знание специфики всего региона и сравнительный анализ данных демографической статистики с привлечением материалов всех переписей, когда-либо проводившихся в Сараваке, Сабахе и Брунее, позволили Л. Джонсу дать довольно полную характеристику современного состояния этнически разнородного населения Северного Калимантана. Исследователь прогнозирует будущие темпы роста и развития народонаселения Саравака, Сабаха и Брунея, не уходя и от важнейших проблем, связанных с резким увеличением населения во всей Юго-Восточной Азии после второй мировой войны и все растущим стремлением народов к образованию, прогрессу и повышению жизненного уровня. Однако, констатируя наличие этих проблем, автор не видит путей ликвидации внутренних противоречий современного капиталистического общества. Л. Джонсу свойственна чрезмерная идеализация капиталистических отношений и деятельности «белых раджей» в бывших колониях Великобритании. Наивно звучат его рассуждения о «мосте» через «социальный разрыв» между «белыми воротничками» и рабочим классом в странах Азии и других мерах, необходимых для заполнения этого разрыва (стр. 202). И все же ценность фактического материала, собранного Л. Джонсом в книге «Население Борнео», неоспорима.

Книга состоит из восьми глав, богато иллюстрированных таблицами и диаграммами, и двух приложений: «Количественное соотношение между основными этническими группами всего населения в 1960 году» и «Метод подсчета всего и экономически активного населения в 1985 году».

¹ L. W. Jones, North Borneo. Report on the Census of population held on 4 June, 1951, «Man», 1953, v. LIII, № 2, art. 193; его же, North Borneo. Report on the Census of population taken on 10 August, 1960, Kuching 1962; его же, North Borneo. Report on the Census of population taken on 15 June, 1960, Kuching, 1962.

Первая глава знакомит читателя с географией, историей, этническим составом и происхождением народов Северного Калимантана. На территории Саравака, Сабаха и Брунея, площадь которых в общей сложности равна площади Англии с Шотландией (190,8 тыс. км²), проживает около 1,5 млн. человек; 60% всего населения концентрируется в прибрежной полосе и дельтах больших рек Северного Калимантана. Редко заселены внутренние районы: тропический климат, высокая влажность, обилие осадков и большая заболоченность местности, малярийные низины и труднопроходимые джунгли — все это создает неблагоприятные условия для существования коренных жителей, известных под общим названием «даяки» — ибанов, дусунов, кайанов, клемантанов и др.

Автор выделяет в населении Северного Калимантана три пласта: 1) «аборигены» — различные группы даяков-анимистов (муруты, келабиты и т. д.); исламизированные даяки, причисляющие себя с момента обращения в мусульманство к малайцам (меланану); малайцы прибрежных районов — потомки переселенцев XIII—XV вв. с Суматры и Малакки. 2) Китайцы. 3) Другие иммигранты (индонезийцы, индийцы, европейцы и т. д.). Это выделение вполне правомерно. Однако Л. Джонс уделяет мало места вопросам этногенеза представителей первой — очень сложной, но интересной группы коренного населения Северного Калимантана, следуя в основном несколько устаревшим доводам ветеранов этнографического изучения даяков XIX — начала XX столетия — Чарльза Хоуза и Мак Дугалла, Линг Роса и Хэддона и др. Всю политическую историю Саравака, Сабаха и Брунея автор книги ограничивает тремя периодами: до европейской экспансии (середина XIX в.); период колониального владычества до 1945 г. и послевоенный период вплоть до 1960-х годов и включения Саравака и Сабаха в состав федерации.

Вторая глава посвящена обзору переписей населения Северного Калимантана и всех имеющих в распоряжении автора демографических данных о Британском Северном Борнео (с 1891 г.), Брунее (с 1911 г.) и Сараваке (с 1939 г.). Отмечая недостаточность и неточность сведений и статистических данных по всему региону, Л. Джонс в III и IV главах («Рост населения до 1945 года» и «Характеристика населения до 1945 года») довольно успешно реконструирует картину народонаселения Северного Калимантана до второй мировой войны (стр. 31—63). В центре внимания исследователя — количественные соотношения между коренным населением и иммигрантами, возрастной и половой состав всего населения Саравака, Сабаха и Брунея, расселение народов и внутренние миграционные процессы на протяжении данного периода, колебания уровней рождаемости и смертности в среде аборигенов и пришельцев, а также другие демографические характеристики народов этой провинции. Л. Джонс привлекает большой сравнительный материал и рассматривает Северный Калимантан на демографическом фоне всего малайского мира.

Отмечая низкие темпы роста населения Северного Калимантана (с 1911 по 1951 г. население Сев. Борнео увеличилось на 35%; Брунея с 1911 по 1947 г. — на 61,5%, а Саравака с 1930 по 1947 г. — на 112%, в то время как население Малайи, Сингапура, Цейлона и Филиппин по крайней мере удвоилось за тот же период), Л. Джонс указывает, что народонаселение Северного Калимантана в течение последних ста лет увеличивалось в основном за счет притока иммигрантов, которые к 1940 г. составляли 1/4 всего населения провинции (24% общего числа иммигрантов составляли китайцы). Автор книги констатирует катастрофическое исчезновение отдельных групп аборигенов-даяков в результате эпидемий, полуголодного существования, внутрисемейных войн, охоты за головами и рабства, прервавшегося на Северном Калимантане почти до конца XIX в. Он поднимает проблему мурутов, наиболее многочисленной группы коренного населения Сабаха, жителей горных районов Пенсангана, Кенянгая и Тенума. Количество мурутов за время правления династии Бруков (1846—1946 гг.) беспрерывно уменьшалось (в 1911 г. их насчитывалось 27 226, а в 1951 г. — 18 724 — стр. 47). Причину вымирания и резкого снижения рождаемости в среде мурутов и подобных им изолированных и рассеянных эндогамных групп коренного населения Л. Джонс видит не столько в «инбридинге» (кровнородственных браках), сколько в их экономической отсталости. Крайне безотрадную картину состояния населения этой отсталой провинции Юго-Восточной Азии дополняют и другие данные, привлекаемые автором «Населения Борнео»: у даяков на 1000 чел. рождается 37 и умирает 35 чел.; особенно высока детская смертность (стр. 43); всего 10% детей школьного возраста посещали школы в 1939 г. (стр. 58) и т. д. Однако в послевоенный период наступает, как говорит Л. Джонс на стр. 145, «период демографической революции». Изменениям, происшедшим после 1945 г., посвящены V и VI главы книги. За период с 1951 по 1960 г. коренное население увеличивается на 25%, повышается рождаемость, уменьшается детская смертность (см. табл. на стр. 63, 69, 78 и т. д.). Этому способствовало, наряду с развитием здравоохранения, некоторое улучшение экономического положения аборигенов Северного Калимантана в результате их интенсивного продвижения к побережью в поисках дополнительных средств к существованию в городах и на горных и нефтяных разработках, появившихся в Брунее и других местах в 1930-х годах. Ограничение экспансии иммигрантов, интенсификация процессов урбанизации, рост гра-

мотности — все это, по мысли автора, повлекло за собой изменение основных демографических характеристик населения северной части о. Калимантан, и, наряду с этим, изменилось и соотношение в экономической занятости различных слоев населения.

Большой интерес представляет VII глава книги — «Экономическая активность», где Л. Джонс дает краткий исторический обзор экономического развития всего региона. До появления каучука (1910 г.) Бруней поставлял на мировой рынок перец, саго, бетель, кокосовое масло и другие колониальные товары. Сурьма и золото являлись основным продуктом экспорта Саравака в начале правления династии Бруков, потом на арену выходит уголь, являющийся и в наши дни основной статьей дохода в этом районе. В середине 1930-х годов Британское Северное Борнео специализируется на поставке каучука, и уже в 1940 г. производит 3/4 всего экспортного каучука Северного Калимантана. В 1930-х годах Бруней становится поставщиком нефти благодаря обнаруженным здесь запасам. Колониальный характер экономики, направленный на развитие крупных капиталистических предприятий, выражается в следующих цифрах: в 1960 г. на крупных плантационных хозяйствах и предприятиях добывающей промышленности было произведено 95% всей экспортной продукции Брунея, 53% — Северного Борнео и 13% — Саравака. На стр. 147—166 Л. Джонс уделяет много места вопросам распределения рабочей силы в зависимости от национальной принадлежности и уровня грамотности, проблеме экономической активности женщин, обуславливаемой религиозными традициями (среди малаек 32% заняты в сфере производительного труда, в то время как у ибанов, в основном анимистов, — 79%) и т. п.

Завершающая, VIII глава книги Л. Джонса посвящена будущему населения Саравака, Сабаха и Брунея. На основании данных послевоенных переписей о рождаемости и смертности населения, исследователь выводит перспективные цифры роста будущего народонаселения всего региона. Он предполагает довольно высокий по мировым стандартам трехпроцентный ежегодный прирост населения, в результате которого население Северного Калимантана к 1985 г. достигнет трех млн. чел. Плотность населения с 19 чел. на 1 км² в 1960 г. увеличится до 22,5 чел. в 1985 г. (если сравнить с плотностью населения в Малае, Филиппинах, на Цейлоне и в Японии, то даже в 1985 г. Северный Калимантан не станет перенаселенным, как отмечает автор на стр. 170). Среди населения Саравака, Сабаха и Брунея в 1985 г., по подсчетам Л. Джонса, малайцы и даяки составят 61%, китайцы — 35% и другие национальности — не более 4%. Однако, констатируя, что с увеличением населения увеличится и число рабочих рук, автор вынужден с горечью и страхом признать, что неминуемо появится безработица — проблема, доселе неизвестная в Сараваке и Сабахе, но уже вызывающая беспокойство в Брунее, где 2/3 рабочих не заняты в сельском хозяйстве, а работают на промышленных предприятиях. В целом же индустриализация в этом в основном сельскохозяйственном районе с многоукладной экономикой будет очень незначительной. Уже сейчас в Сабахе несколько тысяч иммигрантов и 5% некавалифицированных местных рабочих обеспечивают половину государственного экспорта древесины, а в Брунее в 1960 г. 14% всего экономически активного населения производят 80% национального продукта. «В дальнейшем найти рабочих для производства экспортных продуктов, которые составляют основу экономики Борнео, будет меньшей проблемой, чем дать работу тем, кто ее жаждет!» — восклицает автор (стр. 194). И он обращается к правительству с целым рядом предложений, осуществление которых, по его мнению, позволит решить основные социально-экономические проблемы. Л. Джонс верит в то, что разумными действиями капиталистов можно развить экономику и повысить благосостояние народов Саравака, Сабаха и Брунея, призывает проводить политику контроля над ростом народонаселения и рождаемостью путем повышения образовательного уровня женщин, привлечения их к производственной деятельности, большей их эмансипации и путем пропаганды различных средств ограничения рождаемости.

Автор книги «Население Борнео» Л. Джонс во многом заблуждается; со своих позиций, далеких от марксистско-ленинского понимания законов общественного развития, он не может дать правильного научного объяснения многих процессов, происходящих в современном капиталистическом обществе. Но сосредоточенный в книге богатый фактический материал представляет большой интерес для социологов, этнографов и специалистов смежных специальностей, изучающих народы этого региона.

Л. В. Никулина

Атеисты, материалисты и диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. Перевод, комментарии и введение Л. Д. Позднеевой, М., 1967, 403 стр.

Выпущенная издательством «Наука» книга о Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы — это существенный вклад не только в отечественное и мировое востоковедение, но и в историю философии в целом. Впервые читатель получает столь полный и столь обоснованный перевод произведений древнекитайских философов-материалистов. Уникальность этого перевода определяется двумя обстоятельствами: